

Кн. Д. ШАХОВСКОЙ

Слепые вожди слепых¹

Менее семи лет тому назад, тотчас после назначения Плеве министром внутренних дел на место убитого Сипягина², Струве начинал издание своего заграничного журнала. В программной вступительной статье к «Освобождению»³ он тщательно отмечал бросающуюся в глаза пропасть между правительственной реакцией того времени и противоположным ей общественным настроением. Реакция общественная миновала, а при этих условиях реакция правительственная не представляла опасности, ее владычеству предвиделся тот или другой неизбежный скорый конец.

Теперь мы встречаем имя того же Струве в сборнике, который носит на себе все черты показателя именно *общественной* реакции, т. е. того, что во много раз страшней всяких внешних репрессий. К счастью, реакция эта едва ли глубока и долговечна. Во всяком случае разбираемый сборник не производит особенно грозного впечатления.

Мы имеем в виду только что вышедшую книгу с громким именем «Вехи». Это «сборник статей о русской интеллигенции», составленный семью представителями последней: Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Изгоевым, Кистяковским, Струве и Франком. Все они в один голос заговорили о «кризисе интеллигенции», о грядущих коренных перестройках в ее мировоззрении и душевном укладе; при этом, на все лады выставляя напоказ ее слабые стороны, они не делают никаких реальных указаний на выход из ее тяжелого положения или же дают указания слишком туманные; субъективные, а подчас и противоречивые... К углублению в себя, к смирению, к подвигам послушания зовут авторы. Оценка своих сил и возможностей, обнаружение своих недостатков, перестройка своих планов сообразно новым обстоятельствам, вообще говоря, полезны, а подчас и необходимы. Но когда призывы к покаянию окраше-

ны в тон глубокопессимистический и вместе с тем отвлеченный тон, каким проникнуты статьи наших обвинителей, то тут мы имеем дело не со здоровой критикой, а со зловещими выражениями признания крайней своей неправоты и бессилия, т. е. с самым подлинным источником общественной реакции.

Как указано в предисловии, составители сборника проникнуты болью за прошлое и жгучей тревогой за будущее родной страны. Они считают всю идеологию русской интеллигенции, основанную на признании безусловного первенства общественных форм над духовными основами жизни личности, «внутренне ошибочной» и «практически бесплодной», так как такое мировоззрение не может привести к освобождению народа. Уже из этого основного положения ясно видно, какую путаницу вносят в дело авторы статей, сравнивая между собой такие совершенно несоизмеримые вещи, да еще ставя себе целью превознести забытые начала духовной жизни за счет внешних условий достойного и благополучного человеческого существования, якобы лишенных огромной самостоятельности ценности.

В осуществлении этой неблагодарной задачи заметна неспешность, которую предисловие само отметило и объясняет тем, что вопрос «исследуется разными участниками в разных плоскостях».

Но приходится даже в статье одного и того же автора встречаться с тем же весьма существенным неудобством столкновения «различных плоскостей» жизни. Интересные и важные факты вырываются из жизни и сваливаются в кучу по своенравной прихоти впечатлительных авторов. Но общий тон суровой критики направляется — сознательно или несознательно — против увлечения политикой. Все время выносишь впечатление чего-то навеянного настроением момента и наскоро скомбинированного. Остается в конце концов невыясненным и такой немаловажный вопрос, что, собственно, разумеют составители книги об интеллигенции под этой последней. Струве определяет ее как представительницу безрелигиозного отщепенства, а в политическом отношении как преемницу противогосударственной силы казачества. Он ее отгораживает от образованного класса вообще и из рядов ее вычеркивает безусловно Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Чехова, Вл. Соловьева, а условно — Белинского, Герцена, Салтыкова, «который только весьма покорно носил интеллигентский мундир», и Глеба Успенского, истинное лицо которого, однако, прикрито какими-то «интеллигентскими масками». Все эти определения настолько общи и неясны, что едва ли на основании их можно,

например, разрешить вопрос, куда отнести самих составителей сборника...

Бердяев упрекает русское общество в малом интересе к философии и в недостатке смирения перед истиной, во имя которой надо быть готовым и на отречение (от чего?). «Желанное и радостное возрождение (России) требует не только политического освобождения, но и освобождения от гнетущей власти политики...» Булгаков борется с атеизмом русской интеллигенции и хочет учить ее Закону Божию, начиная со старого Моисеева десятизакония, «чтобы потом (неужели не сразу) дойти и до Нового Завета» (с. 51). Гершензон очень справедливо, но, кажется, без большой надобности говорит: «Одно, что мы можем и должны сказать русскому интеллигенту, это — постараться стать человеком. Став человеком, он без нас поймет, что ему нужно: любить или верить, и как именно».

Далее он, однако, поучает интеллигенцию очень многому, считая ее искалеченной и бессильной вследствие раздвоения сознания и воли, и думает, что делу поможет ослабление интереса к вопросам общественности, ниспровержение тирании гражданственности!

А рядом Кистяковский в очень интересной и обоснованной, хотя и односторонней статье доказывает, что мы более всего страдаем от отсутствия у нас развития идеи *права*. Для того чтобы пробудилось истинное правосознание русской интеллигенции, и этот учитель почему-то рекомендует ей «уйти в свой внутренний мир, вникнуть в него для того, чтобы осветить и оздоровить его».

Франк не щадит сильных выражений для изобличения «крушения многообещавшего общественного движения», «развала наиболее крепких нравственных традиций» интеллигенции, «бессилия, непроизводительности и несостоятельности» ее мировоззрения. И сводит весь вопрос на оказавшуюся несостоятельной «интеллигентскую веру». Вырванная из всей совокупности жизненных условий, эта вера вертится во все стороны в руках ее безжалостного исследователя и оказывается грешной во всех, казалось бы, взаимно исключаящих одно другое преступлениях... И среди множества разных умных слов нельзя ничего вычитать определенного, кроме одного только впечатления, что привыкший орудовать с абсолютными⁴ идеями мыслитель совершенно неуместно применяет к жизненным явлениям свои специфические методы и слишком легко кратковременному периоду ошеломления и временного утомления спешит приписать характер какого-то рокового и общего крушения.

Изгоев подчеркивает свое несогласие с принципиальными основами рассуждения товарищей по сборнику. Но и он заразился многими чертами своих слишком чувствительных, склонных к импрессионизму и вместе с тем к туманным отвлеченностям соседей. Самые простые и естественные вещи наносят ему тяжкие удары, от которых он не может оправиться и впадает в ламентации, которые читатель готов назвать малодушными. А в конце своей статьи после длинного перечня всяких доказательств дряблости нашей интеллигенции, реальные причины которой как будто не заслуживают раскрытия, — а ведь в них вся суть, и добросовестная работа над их выяснением сразу вывела бы из мрачного тупика всех семерых наших несчастных плакальщиков, впрочем, подрезав им их собственные ноги, — такой умный писатель, как Изгоев, договаривается до следующих слов: «Когда на другой день после 17 октября⁵ в России не оказалось налицо достаточно сильных и влиятельных в населении лиц, чтобы *крепкой рукой* (курсив везде мой. — Д. Ш.) сдержать революцию и немедленно приступить к реформам, для проницательных людей стало ясно, что дело свободы временно проиграно, и пройдет много лет упорной борьбы, пока начала этого манифеста воплотятся в жизнь. Неужели для русских мыслящих людей могла быть новостью необходимость многолетней упорной борьбы, и неужели основательные люди могли ожидать какого-то сказочного преобразования всей жизни одним усилием. И, быть может, самый тяжелый удар русской интеллигенции нанесло не поражение освободительного движения, а *победа младотурок*⁶, которые смогли организовать национальную революцию и победить почти без пролития крови». Странная оценка нашего движения с точки зрения заведомо совсем иных условий, к тому же вовсе еще не законченной турецкой эпопеи, только и может получить объяснение в чувстве утомления и подчинившей себе мысль автора досады.

Не раз уже русское общество временно переживало периоды реакции. И всегда они сопровождались точь-в-точь такими же покаянными гимнами. Без сомнения, появление нового сборника в наши дни опять знаменует наличие у нас элементов общественной реакции. К счастью, однако, основания этой реакции, по-видимому, весьма неглубоки, и можно ожидать, что интеллигенция наша без особого ущерба и промедления найдет в себе силы приспособиться к новым условиям, в которые она поставлена историей и прежде всего результатами ее же самоотверженной работы. Для такого приспособления надо, однако,

стремиться от тех туманных прямо сверхинтеллигентских исканий, в которых изнывают среди натяканных ими без большого толка *всех* составители сборника; пора совсем иначе трезво осмотреться кругом, деловым образом оценить и себя, и свое положение и наметать выход из него. И прежде всего надо далеко откинуть от себя ту несчастную мысль, которая, по-видимому, больно ушибла всех названных искателей, будто вся работа интеллигенции за последнее пятилетие закончилась каким-то полным крахом и ничего не дала ни самой интеллигенции, ни самой стране. У наиболее чутких авторов статей в сборнике (особенно у Булгакова) местами прорывается признание противоположного, но, вообще говоря, все их рассуждения проникнуты совершенно ложной оценкой достигнутых движением результатов.

Справедливо указывая на присущие русской интеллигенции черты некоторой отвлеченности, «прямолинейности», «максимализма», они этими самыми чертами охвачены в гораздо большей степени, чем та среда, которую они взялись поучать. И вот, оценивая достигнутое с точки зрения отвлеченных мечтаний, погружаясь в которые книжные люди привыкли, забывая реальные условия и сроки, представлять себе общественные перевороты, они не могут помириться с тем неизбежным законом жизни, согласно которому самые сильные движения не могут коренным образом *сразу и всецело* изменить природу вещей и народов... Всякое движение происходит во времени. Призывая к самоуглублению и философским исканиям, наши идеалисты забывают об этой простой и давно известной истине.

Склонны забывать о ней и менее глубокомысленные, но уверовавшие вдруг в какие-то социологические чудеса обыватели. Достаточно, однако, спуститься с облаков превыспренных ожиданий, нас вдруг обуявших, к недавнему революционному прошлому, чтобы оценить громадность пережитого нами исторического сдвига, после которого все стало иным и к прежнему уже нет возврата.

И надо упорно искать новых путей развития и работы исходя не от тяжелого отчаяния и мрачного раздумья, а от спокойного сознания одержанной победы и в корне изменившихся обстоятельств.

(Голос. Ярославль, 1909. 3 (16) апреля)

